

Но если подходить к рассказам о Куликовской битве не как к историческому, а как к литературному памятнику, то оценивать их придется совершенно иначе. Рассказ Свода 1408 г. — сухая хроника; в «Новгородско-Софийском своде» она несколько оживлена с помощью литературных трафаретов; в отличие от этих рассказов «Сказание о Мамаевом побоище» — выдающийся литературный памятник. Вводя в повествование ряд ярких сцен, совершенно неизвестных предшествующему летописному повествованию (рассказ о засадном полке, решившем исход боя в трудный момент, об обмене одеждами между Дмитрием и Михаилом Бренком, погибшем в бою и первоначально принятом за Дмитрия), автор «Сказания» сделал свой рассказ по-настоящему увлекательным и обеспечил ему широкую популярность в последующие годы. Едва ли правы историки, использующие «Сказание» как точную хронику событий 1380 г., но интерес к нему литературоведов вполне оправдан.

Значит ли это, что «поэзия» и «правда» в древнерусском летописании всегда находились в противоречии? Такое заключение было бы слишком поспешным. Искусство древнерусского летописца, как мы уже видели, заключалось не только в использовании или создании художественного вымысла, но и в умении найти в подлинной действительности яркие и сильные детали. Многие рассказы летописцев (особенно рассказы неэтикетного характера, для которых не существовало привычных трафаретов), не вызывая никаких сомнений относительно достоверности и осведомленности авторов, отличаются при этом большой художественной выразительностью. На конкретных и очень ярких деталях быта построены, например, сатирические рассказы о бездарных и корыстных воеводах Василия Темного (например, рассказ о воеводе-взяточнике Беклемишеве), восходящие к оппозиционному летописному своду XV в., отразившемуся в Сокращенных сводах конца XV в. и Ермолинской летописи. Такой же характер имели и рассказы о сражении на Пьяне в своде 1408 г., и рассказ Н4Л (Строевский список) о поражении Новгорода в 1471 г.⁶⁰ и разобранный выше рассказ о последних днях жизни Василия III. Но, как мы уже видели, наличие живых и конкретных деталей не означает еще, что перед нами — вполне достоверный рассказ очевидца: прекрасно понимая убедительность «сильной детали», древнерусские летописцы могли иногда и создавать их силой своей фантазии.

Таким образом, вопрос о летописании, как о литературном жанре или системе жанров, весьма сложен. Способность к художественному воспроизведению и творческому переосмыслению исторических фактов была свойственна летописанию на всем его протяжении, но вымысел в летописании далеко не всегда может рассматриваться как художественный вымысел; цели его обычно иные — политические и публицистические. Более «свободное» сюжетное повествование ушло из летописи вместе с эпическими преданиями: уже в XV в. оно получило развитие в иных жанрах письменности — в хронографе и отдельных повестях.

Главное назначение летописания — публицистическое и историческое; именно поэтому трудно говорить о «художественной структуре» летописных сводов в целом. При использовании летописи как источника для изучения эстетических воззрений древней Руси не следует забывать о назначении летописания: многие его особенности объясняются не особым «художественным мышлением» древнерусских людей, а конкретными политическими задачами, стоявшими перед летописцем. Однако специфиче-

⁶⁰ Ср.: Истоки русской беллетристики, стр. 272, 274—276.